
КЛЮЧЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И ИХ ИНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Н.С. Сергиева

Кафедра русского и общего языкознания
Сыктывкарский государственный университет
Октябрьский пр., 55, Сыктывкар, Россия, 167005

В статье представлен анализ одного из фрагментов ядра русского языкового сознания. Язык выступает как транслятор культурной информации, а культура — как историческая память народа.

Психолингвистика, ее теоретический аппарат, материал и методы исследования дают возможность глубинносмыслового изучения русского языка, расширения знаний о русской культуре и ее носителях, разрушения негативных этнических стереотипов и формирования этнической толерантности. Практическое использование достижений этой науки в преподавании РКИ предоставляет дополнительные возможности для повышения эффективности обучения русскому языку в ограниченной языковой среде.

Современный подход к преподаванию РКИ характеризуется особым вниманием к проблемам межкультурной коммуникации, соизучению языка и культуры. Цель обучения — формирование представления о русском языковом сознании в процессе обучения языку и выработка навыков совместной деятельности и общения по правилам русского социума и русской культуры. Язык в этом случае выступает как транслятор культурной информации, а культура — как историческая память народа. Несомненно, что подобные задачи могут быть выполнены только с опорой на серьезные теоретические изыскания в области лингвокультурологии и психолингвистики. Вхождение в русское лингвосоциокультурное пространство делает необходимым изучение этнической картины мира, культурной традиции, обращение к исследованию русской ментальности, культурно-национального миропонимания [8. С. 12]. Русский язык в рамках данного подхода выступает как средство приобщения к русской культуре, как ее «зеркало».

Использование этнопсихолингвистического подхода в изучении РКИ позволяет иностранному учащемуся не только погрузиться в мир жизненных ценностей носителей изучаемого языка, но и понять сходство и различие русской и родной культуры и, следовательно, эффективно решать проблемы межкультурной коммуникации. От преподавателя РКИ требуется умение анализировать ассоциативный материал и использовать его в процессе обучения, сопоставляя «свое» и «чужое», наглядно показывая, что является ценностью для русского человека, чему он отводит особое место в своей жизни. Использование материалов ассоциативных словарей и специально подобранных прецедентных текстов помогает через речевые образы носителей русского языка способствовать формированию русского языкового сознания (см. пример таких учебных материалов в [7]).

Даже самые общеупотребительные слова, обозначающие ключевые понятия, такие, как *дом, семья, свобода, мир* и т.д. нагружены специфическими для каждой культуры ассоциациями. На наш взгляд, именно такие слова представляют интерес для глубинного анализа, помогают выявить этнокультурную специфику образа мира разных народов.

Как и какие формы та или иная культура накладывает на восприятие окружающей действительности, помогают понять результаты массовых ассоциативных экспериментов, представленные в ассоциативных словарях.

В структуре языкового сознания выделяют ядро, которое образуют слова, единицы семантической сети, имеющие наибольшее число связей в другими единицами данной семантической сети, представленной в виде обратного (от реакции к стимулу) ассоциативного словаря. Анализ ядра языкового сознания русских по данным трех русских ассоциативных словарей — «Словаря русских ассоциативных норм» (САНРЯ), «Русского ассоциативного словаря» (РАС: РАС-I, РАС-II), «Славянского ассоциативного словаря» (САС) — позволяют говорить о стабильности системы языкового сознания, выявляемой в свободном ассоциативном эксперименте. Как можно проследить с 60-х гг. XX в., центральными для языкового сознания русских являются такие понятия, как *человек, дом, жизнь, хорошо, друг, нет* [9. С. 160—162]. Выделение ядра и оперирование его единицами дает большие возможности для исследования этнокультурной специфики языкового сознания, в том числе и в сопоставительном аспекте.

В настоящее время создано несколько десятков ассоциативных словарей разных языков, выявлены ядерные единицы этих языков. Сопоставительное исследование ядра языкового сознания разных народов позволяет выделить 10 универсальных и наиболее важных единиц языкового сознания: *жизнь, человек, хорошо, любовь, красивый, радость, счастье, дом, друг, деньги*. Можно утверждать, что в центре языкового сознания находится сам *человек* и его *жизнь*, а языковое сознание имеет положительную оценочность и является в целом оптимистичным (*хорошо, счастье*). Важными в жизни человека представляются его отношения с другими людьми (*любовь, друг*), место, где он живет (*дом*), и материальное обеспечение своей жизни (*деньги*). Столь же значимыми сторонами являются эмоциональная (*радость, любовь, счастье*) и эстетическая (*красивый*) [3. С. 182].

Надо сказать, что на фоне общей оптимистической картины ядро русского языкового сознания выглядит наиболее «мрачным»: только у русских среди 10 единиц, занимающих первые позиции в ядре, выделенном по материалам РАС, зафиксированы три единицы с негативной семантикой и отрицательной оценкой — *плохо, нет, дурак*. В ядре языкового сознания других народов таких единиц не более одной. При этом можно уверенно говорить, что слова *нет* и *плохо* являются стабильными компонентами ядра. Например, слово *нет* занимает относительно постоянную позицию в структуре ядра языкового сознания, что подтверждается также данными онтогенеза [9. С. 161].

В качестве еще одной особенности состава ядра языкового сознания русских можно отметить чрезвычайно высокую позицию такой единицы, как *дом*: ранг 2 в РАС и ранг 5 — в САС. В отношении этого слова сходные показатели

наблюдаются только в ядре языкового сознания белорусов. У других славянских народов эти позиции ниже.

Каков образ дома в русской культуре и, соответственно, в русском языковом сознании? В древности основным значением слова *дом* во многих странах было ‘семья’, а в Древней Руси ‘хозяйство’ (отсюда «Домострой») и одновременно ‘семья, домашние’, поскольку общее хозяйство ведут все родичи совместно, его и наследуют члены рода. По мере изменения социальных условий актуализировалось то одно, то другое исконное значение этого слова, но при этом всегда сохранялись в нерасторжимом единстве и все остальные [1. С. 205, 207].

Этапы развития значения слова *дом* в истории русского языка В.В. Колесов представляет следующим образом: «Отражая смену поколений в восприятиях людьми сущности бытия, понятие „дом“ постепенно утрачивает одно за другим все значения, ранее сплетенные в исходном корне: в родовом быту дом — это прежде всего населяющие его люди, в феодальном мире Древней Руси — хозяйство, и только ближе к нашему времени — здание, в котором может скрываться все это — и люди, и нажитое имущество, и сама жизнь, Влияние чужой культуры, раздвоение смысла между житейским и освященным (разные представления о доме), расхождение своеобразных стилей (стиля литературы и стиля обиходной речи) — все это так или иначе отразило в себе сужение смысла старинного корня: здание форма — вот что такое дом, как его понимаем мы» [1. С. 210]. Однако данные ассоциативных словарей вносят в этот вывод свои коррективы. Н.Л. Чулкина, исследовавшая концептосферу русской повседневности, указывает, что в современном русском языковом сознании тесно переплетаются два концепта — дом и семья [10. С. 134].

В ядро ассоциативного поля (АП) (1) *дом* входят *родной* 12 (РАС-I. С. 175); *родной* 57; *семья* 47; *большой* 38 (САС. С. 92, 94); *здание* 14; *новый* 13; *родной* 10 (САНРЯ. С. 77). Такой набор ассоциатов указывает на то, что в языковом сознании современного человека дом — это психологическое понятие, и оно обозначает прежде всего место, где живет сам человек и его семья, место, связанное с его рождением, т.е. «семейный» компонент АП явно доминирует, на его анализе мы и сосредоточим внимание. «Обратный словарь» обнаруживает еще одно значимое отношение в языковом сознании. Связь человека с домом в течение всей его жизни остается неразрывной, человек дом покидает и может там остаться, в это же место он возвращается: *покинуть* 29; *оставить* 28; *покидать* 23; *вернуться* 20; *приехать, приходить* 13; *прийти* 12; *оставаться* 9; *остаться* 8; *приезжать* 7 (РАС-II. С. 208—209).

«Семейную» линию ассоциаций продолжают реакции *мой* 4; *семья* 3; *родина, у бабушки* 1 (РАС-I. С. 175); *мой* 14; *родина* 9; *мама* 6; *родители* 3; *в котором мы живем, отчий, родительский* 2; *деда, мать, наш, очаг семьи, родителей, родное, родной дом, родные, родня* 1 (САС. С. 92, 94); *семья, мой* 7; *наш* 4; *мама, мать, ребенок, сын* 1 (САНРЯ. С. 77). С этим связана и еще одна характеристика дома — большой: *большой* 4 (РАС-I. С. 175); *большой* 38 (САС. С. 92, 94); *большой* 6 (САНРЯ. С. 77). Это подтверждается и данными обратных словарей, которые добавляют еще одну высокочастотную связь — *старый*. Наиболь-

шее количество входящих связей дом обнаруживает со словами **наш** 112; **старый** 102; **родной** 86 (РАС-II. С. 208—209); **большой** 85; **родной** 79; **старый** 52; **семья** 42 (САС. С. 284). «Семейные» связи в ассоциативно-вербальной сети весьма разнообразны. Покажем их в кратком варианте, только на примере обратного русского словаря в САС: **семья** 42; **родина** 20; **мать** 8; **жена** 2; **бабушка, брат, ребенок** 1 (САС. С. 284).

В.В. Колесов, опираясь на данные русских диалектных и исторических словарей, так формулирует представление о доме, лежащее в основе народного сознания: это «не понятие о здании, а понятие о чем-то созданном, постоянном, общем для всех „своих“, которые объединяются кровом такого дома. Именно это значение дома и отражено в Словаре Даля: *дом — родной кров*; разумеется, со всеми припасами (хозяйством), со всем населением, объединенным родственными узами» [1. С. 207].

Еще один важный признак дома как семейного пристанища — это уют. Непременным атрибутом русского уюта является тепло и маленькие размеры [11. С. 142]. Такие ассоциации представлены во всех словарях: **тепло** 2; **уют** 1 (РАС-I. С. 175); **уют** 19; **тепло** 11; **очаг** 10; **уютный** 7, **теплый** 1 (САС. С. 92, 94); **очаг** 4; **уют** 1 (САНРЯ. С. 77). Как пишет Ю.С. Степанов, «в русском понятии уют присутствует семантический и психологический компонент — ощущение „своего, своего дома (ср. фр. *un chez-soi* „свой уголок, свой дом“), нахождения у себя, „домашности“». По его мнению, в современном русском быту понятие «уют» объединяет две линии — с одной стороны, представление об уютном крестьянском или мещанском доме, с другой — о «комфорте» дворянского быта. Именно представление о «крестьянском и мещанском уюте» выражены в современном языковом сознании — ощущение теплого, уютного, «своего» уголка, маленького домашнего мира [6. С. 807—808]. Интересны и связанные с уютом приметы интерьера дома, его наполненность («вещный мир»): **кресло** 1 (РАС-I. С. 175); **кровать, телевизор** 2; **кошка, стол** 1 (САС. С. 92, 94); **ванна, кровать, стол** 1 (САНРЯ. С. 77); **дом** ← **тапки** 10; **кресло, телефон** 4; **печь, халат** 3; **ковер, печка, стол** 2; **борщ, ванна, варенье, диван, зеркало, икона, камин, картина, ключ, книга, кошка, кровать, мебель, палас, полка, стул, телевизор, штора** 1 (РАС-II. С. 208—209); **стол** 1 (САС. С. 284). Как считает Ю.С. Степанов, в современной России понятие «комфорт» вытесняет понятие «уют» [6. С. 810], однако данные ассоциативных словарей скорее свидетельствуют об устойчивости традиционных представлений. Ссылаясь на результаты исследования Н.Л. Чулкиной, детально исследовавшей АП уют и комфорт в РАС, отметим, что именно уют для русских людей связан с домом, семьей, ассоциируется не только с удобствами, но и с любовью, покоем и присутствием близких и дорогих людей, он «одухотворен» и «сотворен» ими. Комфорт — это прежде всего удобства [10. С. 141].

Характеристика дома как надежного и безопасного убежища для человека представлена реакциями **защита, убежище** 1 (РАС-I. С. 175); **крепость** 21; **спокойствие** 6; **убежище** 3; **защита; крепость, надежность; моя крепость, опора, пристанище** 1 (САС. С. 92, 94); **крепость** 4 (САНРЯ. С. 77). В то же время ни одна из этих связей на материале обратных словарей не подтверждается, т.е.

дом в современном русском языковом сознании реально не связан с понятиями безопасности, неприступности и защищенности. Такие представления являются скорее желаемыми, чем действительными. Дом дарует русскому человеку только чувство психологической защищенности и покоя, возникающее в семье, рядом с близкими, но не реальной безопасности. Устойчиво представление о доме как убежище от непогоды, стихии, поэтому основным его признаком является крыша: *крыша* 3 (РАС-I. С. 175); *крыша* 14 (САС. С. 92, 94); *крыша* 2 (САНРЯ. С. 77); *крыша* 45; *кров* 40; *кровля* 9 (РАС-II. С. 208—209).

Ассоциации со словами *жизнь*, *жить*, *жилье*, хотя и не имеют высоких частотных показателей, но стабильно обнаруживаются во всех словарях: *жилой* 2; *жизнь*, *жилище*, *жить* 1 (РАС-I. С. 175); *жилье* 5; *жилище* 3; *в котором мы живем*, *жилой* 2; *в котором я живу*, *жить*, *житье* 1 (САС. С. 92, 94); *жилище*, *жилье* 3; *где живу*, *жилой*, *жить* 1 (САНРЯ. С. 77); в том числе и в обратных: *жилище* 15; *жить* 4; *жизнь* 1 (РАС-II. С. 208—209); *жить* 3; *жизнь* 1 (САС. С. 284). Главное действие, связанное с домом (кроме *жить*), — строить: *строить* 2; *построенный*, *построим сами*, *построить*, *строиться* 1 (РАС-I. С. 175); *строится*, *строить* 2; *строит* 1 (САС. С. 92, 94); *построен*, *построить*, *строится* 1 (САНРЯ. С. 77); *построить* 71, *строить* 55; *строиться* 32 (РАС-II. С. 208). Обратный словарь выявляет еще одну устойчивую связь в языковом сознании: дом — *заброшенный* 53; *разрушен* 27 (РАС-II. С. 208).

Слово «дом» как «здание» известно в Древней Руси уже в XIII в. Как считает В.В. Колесов, это значение появилось под влиянием греческого языка на древнерусский книжный язык [1. С. 208—210].

Образ дома как здания в современном русском языковом сознании представлен по-разному. Так, по данным прямых словарей, чаще преобладает образ городского дома, каменного и многоэтажного, с соответствующими архитектурными приметами: *кирпичный* 3; *каменный*, *многоэтажный*, *с балконами* 1 (РАС-I. С. 175); *кирпичный* 8; *каменный* 4; *здание* 3; *двухэтажный* 2; *многоэтажный*, *с колоннами*, *трехэтажный*, *восьмиэтажный* (САС. С. 92, 94); *здание* 14; *высотный*, *кирпичный* 2; *многоэтажный*, *трехэтажный* 1 (САНРЯ. С. 77). Поэтому столь устойчивы ассоциации «городского» типа, когда дом ассоциируется прежде всего с квартирой, комнатой или общежитием: *квартира* 1 (РАС-I. С. 175); *квартира* 19; *общежитие* 2; (САС. С. 92, 94); *квартира* 8; *комната* 2; *общежитие* 1 (САНРЯ. С. 77).

Менее отчетливо в прямых словарях представлен образ сельского дома, чаще всего традиционной постройки, ветхого и неблагоустроенного: *хата* 2; *изба*, *избушка* 1 (РАС-I. С. 175); *хата* 9; *сарай* 4; *изба* 1 (САС. С. 92, 94); *сарай* 8; *изба* 5; *деревянный* 3; *хата*, *хибара* 1 (САНРЯ. С. 77). И конечно, следует отметить типичное для современной российской действительности явление: *дача* 1 (РАС-I. С. 175); *дача* 4 (САС. С. 92, 94); *дача* 1 (САНРЯ. С. 77) [10. С. 142—149]. В обратные словари, напротив, преобладает образ именно сельского дома, совмещающего традиционные признаки родового гнезда и материального достатка большой семьи: *старый* 102; *деревянный* 87; *кирпичный* 69; *свой* 62; *собственный* 43; *большой* 41; *высокий* 35; *пригородный*, *хата* 20;

деревня 15; **деревенский, старинный** 14; **сельский** 13 (РАС-II. С. 208); **большой** 85; **красивый** 36; **белый** 18; **деревня** 12; **богатый** 10 (САС. С. 284).

В ядро АП **дóма** (наречие) входят ассоциаты **хорошо** 10; **сидеть** 9; **уют** 7 (РАС-I. С. 175). Положительная оценка пространства, выраженная словами *хорошо, уют, уютно, тепло, всегда хорошо*, сочетается с семантикой «проживать, находиться постоянно, длительное время», выраженных глаголами **сидеть** 9; **спать** 3; **жить** 1 (РАС-I. С. 175), что особенно ярко проявляется в обратных словарях: **оставаться** 76; **остаться** 47; **сидеть** 36; **находиться** 32; **отдыхать** 19 (РАС-II. С. 209); **жить** 5 (САС. С. 284). Следует отметить существующие в языковом сознании представления о доме как семейном пространстве: **мама** 3; **семья** 2 (РАС-I. С. 175); **родители** 8; **отец** 5; **мама** 4; **жена** 3 (РАС-II. С. 209); **жена** 3; **мать** 2 (САС. С. 284).

Современное наречие *дóма* представляет собой остаток формы отложительного падежа слова *дом*, обозначающего буквально ‘от дома’ или ‘из дома’. В.В. Колесов пишет, что наречия, особенно древний пласт, сохраняют то значение корня, которое было им свойственно в момент образования изолированных форм. *Дома*, значит ‘у себя’, ‘среди своих’. *Быть как дома* можно и необязательно *в доме*, т.е. в здании, но всегда чувствовать себя равным со всеми остальными обитателями дома, одним из близких. По мнению исследователя, в Древней Руси нерасторжимая цельность человеческого коллектива, положения людей, их хозяйство, состояние их дел в общем доме как нераздельное понятие о домашнем быте были слиты в корне в те времена, когда отложительный падеж был живой синтаксической формой имени. И еще одна особенность. Для Древней Руси определение рода, *рождения*, родственников (т.е. семьи) через *дом* было не свойственно, т.к. при этом смешивались разные понятия (родственные и имущественные отношения). «Одно дело — родичи по рождению, другое — по совместному жительству, по дому; в первом содержится идея времени, во втором — пространства» [1. С. 207—208]. В современном русском языковом сознании эти понятия ближе.

Специфика ассоциативного словаря заключается в том, что он является своего рода зеркалом ментально-эмоционального состояния среднего носителя языка, состояния, свойственного определенному историческому моменту или периоду его жизни (а значит, жизни общества) и отраженному в его языке. То, что выражено в языке, имеет корни в далеком прошлом и определяет этнокультурную специфику образа мира. Язык в этом случае выступает как транслятор культурной информации, а культура — как историческая память народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) При анализе материалов ассоциативных словарей слова-стимулы обозначаются **прямым полужирным** шрифтом, слова-реакции — **полужирным курсивом**.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб.: филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000 (Серия «Филология и культура»).

- [2] Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. — М.: Астрель, 2002.
- [3] *Сергиева Н.С.* Ядро языкового сознания и его ключевые единицы // Вестник МГЛУ. Вып. 525. Языковое сознание как образ мира. Серия Лингвистика. — М.: МГЛУ, 2006.
- [4] Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. — М., 2004.
- [5] Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. — М.: МГУ, 1977.
- [6] *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: Изд. 2-е испр. и доп. — М.: Академический проект, 2001.
- [7] *Тарасов Е.Ф., Дронов В.В., Ощепкова Е.С.* «Бабушка рядышком с дедушкой...» Обучение младших школьников ассоциативным связям русских слов // Русский язык за рубежом. — 2007. — № 4 (203).
- [8] *Теремова Р.М.* Российская ментальность и проблема ее инокультурного восприятия // Философский век. Альманах. Вып. 32. — СПб, 2006.
- [9] *Уфимцева Н.В.* Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). — М.: Наука, 2002.
- [10] *Чулкина Н.Л.* Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. — М.: Изд-во РУДН, 2004.

THE KEY UNITS OF RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS AND THEIR OTHER-CULTURAL PERCEPTION

N.S. Sergieva

Department of Russian and General Linguistics
Syktyvkar State University
Oktyabrsky prospect, 55, Syktyvkar, Russia, 167001

The author presents a pattern of analysis of the fragment of the Russian language consciousness core. Language is presented as a repository of cultural information, and culture — as an ethnic historical memory.